

бывшие люди, вихри враждебные, всем колхозом, всемирная паутина, встреча без галстуков, вызвать на ковер, выходить на финишную прямую, голубые береты, гражданин мира, день открытых дверей, железная леди, застегнутый на все пуговицы, нужен как рыбе зонтик (собака пятая нога, щуке брюки, ежу футболка), отгородиться китайской стеной, птичий язык, утечка мозгов, физики и лирики, фабрика грез. Современные словари образных слов фиксируют неуклонное увеличение фразеологии языка.

Литература

1. Бернштейн С.Б. Болгарско-русский словарь. 2-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1975.
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / СБГУ; межкаф. Слов. каб. им. Б.А.Ларина; под ред. В.М. Мокиенко. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007.
3. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В.Н.Телия. 4-е изд. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009.
4. Карпенко Л.Б. Как создавалась славянская письменность. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2004.
5. Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры (Теоретический очерк): учебник. М.: Наука, 1994.
6. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н.Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
7. Мюллер В.К. Англо-русский словарь = English-Russian Dictionary. 23-е стер. изд. М.: Рус. яз., 1992.
8. Фурсов А. Конец постсоветской эпохи // Завтра. 2012. №4. С. 1–3.
9. Шестак Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса: моногр. Волгоград: Перемена, 2003.
10. Słownik języka polskiego / Red. naukowy prof. Dr. Mieczysław Szymczak. T. 1–3. Warszawa: PWN. – 1978–1981.
11. Rosh E. Basic objects in natural categories // Cognitive psychology. 1976. № 7. P. 573–605.

Roots and crowns: concept as a gene of metaphors (by the material of the Russian, Polish, Bulgarian and English languages)

There are considered the issues of cognitive modeling (based on the material of Slavic metaphoric models).

Key words: *metaphors, model, basic model, concept, frame, evolution.*

Т.С. ШАДРИНА
(Орёл)

ЗАГАДКА О МЕЛЬНИЦЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ РУССКО-БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКИХ КОНТАКТНЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

(на материале русской фольклорной традиции в Литве)

Рассмотрены возможные пути возникновения образности в одной из загадок о мельнице, зафиксированной в среде русского старожильского населения Литвы. Прослеживается влияние украинской, белорусской, общерусской фольклорных традиций, осложненное спецификой местных условий. Анализируется механизм включения заимствованной загадки в репертуар.

Ключевые слова: *загадка, иноэтническое окружение, русские старожилы Литвы, контактные параллели.*

Загадки о мельнице занимают заметное место в фольклорных традициях разных народов. Это обусловлено прежде всего значимостью предмета загадывания, связанного с важнейшим для человека продуктом питания – хлебом. Мельницы, особенно ветряные, неизбежно привлекали внимание своей выразительной формой, четко выделявшейся на фоне неба, а также постоянным шумом и использованием для их работы силы природных стихий.

Широко распространены загадки о мельнице и в Литве, в том числе в русской среде. Большинство русских старожилов в республике – потомки бежавших из России раскольников, которые около 300 лет живут вперемешку с литовцами, в близком соседстве с поляками, белорусами, поэтому владеют несколькими языками. Давние экономические и культурные связи с представителями других национальностей наложили заметный отпечаток на местную русскую фольклорную традицию [1, с. 148].

Следует подчеркнуть, что в условиях иноэтнического окружения фольклор оберегается с особой тщательностью, поскольку воспринимается в качестве элемента национального сознания и культуры. В то же время язык и устное народное творчество других народов, населяющих данную территорию, полилингвизм местного населения не могут не оказывать воздействия на состав, образность и бытование

фольклорных текстов [12, с. 183]. В районах со смешанным населением велика роль контактных параллелей, т.е. заимствований, возникших в течение последних столетий в результате постоянных контактов соседних народов. Для русских загадок в Литве особенно сильным оказалось воздействие белорусской традиции.

Объектом нашего рассмотрения является загадка, записанная в Швенченском районе Литвы: *Стоит чан на чанах, / На двенадцати ногах. / Кричит сын, ставерин, / С-под белого города* [7, с. 136]. В ряде русских, белорусских, украинских, польских загадок о мельнице она традиционно изображается стоящей на нескольких ногах: на четырех, на восьми, на девяти, на двенадцати. Соотношение количества ног с принадлежностью загадки к фольклору определенного народа не прослеживается. Речь в подобных загадках идет скорее всего о мельницах шатрового типа, появившихся в Европе в XVII в. В России они были наиболее распространены на северо-западе и западе и представляли собой ветряк с неподвижным корпусом, вместе с крыльями поворачивалась только верхняя часть – шапка. Чаще всего такие мельницы были восьмигранными, но количество граней могло быть и большим, что делало форму сооружения более обтекаемой и улучшало его аэродинамические характеристики. *Ногами* в подобных загадках могли называться неподвижные грани корпуса, которые поддерживали вращающуюся шапку (ср. с литовской загадкой о мельнице: *Ne paukštis, o su sparnais, / Ne žmogus, o su kepure* (Не птица, а с крыльями, / Не человек, а с шапкой. – Т.Ш.) [16, № 149]).

Хотя зафиксированная в русской среде Литвы загадка о мельнице тоже содержит упоминание о *ногах*, однако текст ее довольно самобытен. Близкие ей общерусские варианты отсутствуют, в то же время обнаруживается сходство с белорусскими и украинскими загадками: *Стаіць гон на ганах, на дванаццаці нагах, кліча сына-скаварына з-пад белага горада* [15, № 1922]; *Стоїть ган на ганах, на дванадцяти ногах; кличе сина Северина з-за синього моря* [14, № 2380-в]. Какой же из этих текстов мог послужить основой для заимствования и дальнейшего изменения? Представляется, что это украинская загадка, т.к. (в отличие от русской и белорусской) на территории Украины записано несколько ее вариантов. Кроме того, украинская загадка отличается ясностью выражения смысла: мельница зовут сына, который должен помочь ей в работе.

Имя живущего за синим морем сына – *Северин* – анаграмматически указывает на то, что это ветер (северный). По народным верованиям, мельник обязательно должен был знаться с нечистой силой: с водяным, лешим, а на ветряных мельницах – с персонифицированным ветром. У белорусов мельнику необходимо было уметь вызывать ветер в затишье, бросая горстями муку с верхушки мельницы [8, с. 358]. Дар или жертва ветру встречается у всех славян.

Обращает на себя внимание сходство русского и белорусского текстов и существенное отличие их от украинской загадки. Если в последней речь шла о мельнице, ожидающей ветра, то в двух других говорится о сыне, который находится внизу – *под белым городом*. Очевидно, имеются в виду жернова и белая мука. Как мог появиться в заимствованной загадке новый образ? В середине XIX в. в Астраханской губернии Ф. Орловым была записана редкая загадка о гусыне на яйцах, содержащая аналогичные образы: *Сидит кий на киях, на двенадцати городах, кличет сына самарина из Бела-города* [5, № 230]. Образы загадки не затмевлены и оправданы: метонимическое сопоставление гуся с *кием* обусловлено отличительным признаком этой птицы – наличием у нее длинной шеи; *белый город* – яйцо, которое можно уподобить не только городу, но и вселенной для находящегося в нем гусенка. Мотив *белого города* традиционен для загадок о яйце (ср.: *Стоит Перьян город; / В Перьяне – Белый град; / В Белом граде – воску брат* [6, № 930а]).

Наличие в тексте упоминания о *сыне самарине* дает основание для предположения о возникновении этого образа под влиянием украинской загадки. Редкое в России имя *Северин* могло трансформироваться в *самарин*. Слово это, возможно, связано с диалектизмом *самара*, обозначающим «чувство удовольствия, удовольствия, радости, испытываемое кем-либо» [10, с. 73], в данном случае – гусыней, ожидающей скорого появления гусят. Не исключено, что данное слово намекает на довольно агрессивный характер гусей и восходит к глаголу *саморить* – «действовать по личному произволу, по своей прихоти» [10, с. 97] или к прилагательному *самардычный* – «быстро приходящий в состояние раздражения, раздражительный» (Там же, с. 74). Заметим также, что для русских загадок, как правило, не характерно использование иноязычных имен [13, с. 40].

Можно предположить, что в какой-то момент тексты украинской загадки о мельнице и русской о гусыне на яйцах послужили прообразом белорусской версии, вобравшей в себя мотивы двух этих загадок. Затем она с некоторыми изменениями была воспринята русскими в Литве.

В белорусской загадке, записанной еще Н.Я. Никифоровским, иноязычное имя *Северин* превратилось в *скаварын*. Речь в ней, как и в украинской, идет о мельнице, имеющей каменное основание: упоминаемые в текстах *гон, ган, ганы* – это плиты. Но если в украинской загадке мельница призывает ветер, то в белорусской – *сына-скаварына з-над белага горада*. Типичная мельница состояла чаще всего из двух ярусов: в верхней части – жернова и ковш с открытым желобом для зерна, в нижней – устройство для регулирования помола, рукав от жерновов и ларь для муки. *Сын мельницы* – мука, находящаяся на нижнем этаже *белого города*.

Новообразование *скаварын* созвучно с несколькими белорусскими словами, объединенными общим смыслом: *скавендзицься* – «умереть с мучением», *скавенчицьца* – «мучиться, страдать предсмертною корчею» [9, с. 580]. Зерно на мельнице умирает, превращаясь в муку. При этом оно перетирается жерновами – умирает с муками, «страдает предсмертною корчею». Подобный смысл вложен и в старинную белорусскую загадку о мельнице *Круць-верць – пад чарапочкам смерць* [2, № 38], известную и русским, проживающим в Литве [4, № 4288].

Слово *скаварын* содержит еще несколько намеков на разгадку. Во-первых, оно созвучно с глаголом *скверещать* («испускать трескучий, разительный для ушей крик») и с существительным *скверець* («разительный для ушей крик животных» [9, с. 581]), указывающими на шум, издаваемый работающей мельницей (ср. с общерусскими загадками: *Стучит, / Бренчит, / Сто коней бежит; / Что есть в околке / Весь хлеб поест* [6, № 1072]; *Где стук да гром – / Там Захаров дом; / Где стукотня да грома – / Там Захарова родня* (Там же, № 1073)). Во-вторых, данное слово вызывает в памяти лексему *скорына*, обозначающую «верхнюю или исподнюю корку испеченного хлеба» [9, с. 585]. Таким образом, фонетический облик слова связывает его с другими созвучными словами, характеризующими загадываемый предмет по имеющимся у него признакам. В результате возникает эффект своеобразного лексического эха, ко-

торое, разносясь все дальше, значительно изменяет облик слова, при этом непостижимым образом сохраняя отдельные стороны некоего единого смыслового целого.

В Литве загадка о мельнице записана в районе, граничащем с Беларусью. Очевидно, что русские заимствовали ее у белорусов. Загадка вошла в русскую традицию, претерпев некоторые изменения. Слово с затемненным смыслом *скаварын* было заменено на *ставерин*, которое, вероятно, является производным от *ставер* – «человек, складно говорящий, умеющий шутить; красобай, шутник» [11, с. 18]. Данное слово встречается в фольклорных произведениях, например, является прозвищем сказочного героя – *Ставер Годилович*. Заметим, что в славянских языках *мельница* – одна из самых архаичных и устойчивых метафор говорения. Слово *ставерин* также намекает на отгадку: *ставом* в Литве (как и в Центральной России) называют мельничную плотину, запруду (Там же, с. 14). Непонятное слово *ган* было заменено созвучным словом *чан*, показавшимся загадывающим, вероятно, наиболее подходящим по смыслу в данном контексте. Чан – большая кадка, большой бак. Загадка уподобляет мельницу чанам, стоящим друг на друге, т.е. указывает на форму данного сооружения и наличие в нем нескольких ярусов.

Итак, присущая фольклору вариативность определяет проницаемость традиций для иноэтнических влияний. При исследовании сложного процесса взаимодействия традиций недостаточно лишь констатировать случаи сходства: в каждом случае необходим анализ конкретных текстов. Особенно это касается ближайших родственных народов (в частности, русских, белорусов и украинцев), контакты между которыми давние и постоянные.

Как заимствованный текст мог включаться в репертуар? Очевидно, отличающаяся неожиданностью сопоставлений и яркостью образов загадка на чужом, но в целом понятном местным жителям языке легко запоминалась, чему во многом могла способствовать ее отточенная поэтическая форма. Затем она переводилась на родной язык, что не вызывало особых затруднений, если языки были родственными. Однако в результате такого перевода все же, как правило, возникали некоторые трансформации первоначального (относительно данного заимствования) текста. Непонятные слова заменялись близкими в звуковом плане. В смысловом отношении при этом могли происходить более ощутимые перемены, хотя, как

правило, для русской традиции в Литве характерны особая тщательность и осмысленность приспособления нового образа к исходному тексту. При этом необходимо учитывать, что загадки, как и пословицы, – это фольклор, «лежащий в значительной мере в области языко-творчества» [3, с. 15]. Заимствованные элементы адаптировались традицией, перерабатывались ею, превращаясь из *чужих* в *свои*.

Литература

1. Гаврилова (Шадрина) Т.С. Пословица и контекст (собрание пословиц в самозаписи Е.И. Колесниковой) // Русский фольклор. XXV. Л.: Наука, 1989. С. 144 – 152.
2. Гильтебрандт П. Загадки // Сборник памятников народного творчества Северо-Западного края. Вильна: Тип. Р.М. Рома, 1866. Вып. первый. С. 295 – 300.
3. Емельянов Л.И. Понятие «фольклор» в советской фольклористике // Русский фольклор. VI. Материалы и исследования. М.; Л.: Наука, 1961. С. 5 – 33.
4. Загадки // Фольклор старообрядцев Литвы: тексты и исследование. Т. I. Сказки. Пословицы. Загадки / сост. Ю. Новиков. Вильнюс: Изд-во Вильнюс. пед. ун-та, 2007. С. 542 – 555.
5. Загадки Астраханской губернии: (Записки Ф. Орлова) // Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII – XX вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 201 – 205.
6. Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Садовников. СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1876.
7. Митропольская Н.К. Русские загадки, записанные в Зарасайском, Аникшяйском, Игналинском и других районах Литовской ССР от местного русского старожильского населения // Научные труды вузов ЛитССР. Литература. 1974. № XIV (2). С. 131 – 155.
8. Плотникова А.А. Ветер // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 1. С. 357 – 361.
9. Словарь белорусского наречия, составленный И.И. Носовичем. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1870.
10. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 2002. Вып. 36.
11. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 2007. Вып. 41.
12. Шадрина Т.С. К вопросу о влиянии образности польского фольклора на русские загадки // Актуальные вопросы филологии и культурологии: материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (3 мая 2011 г.). Новосибирск: ЭНСКЕ, 2011. С. 183 – 187.

13. Шадрина Т.С. Функции русских и иноязычных имен собственных в паремиях и загадках русского анклава Литвы // Актуальные вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (12 сент. 2011 г.). Новосибирск: ЭНСКЕ, 2011. С. 35 – 40.

14. Загадки / упорядкованная И.П. Березовсько-го. Київ: Вид-во Акад. наук УРСР, 1962.

15. Загадки / склад. М.Я. Грынблат, А.І. Гурскі; рэд. А.С. Фядосік. Мінск: Навука і тэхніка, 1972.

16. Lietuvių mįslės / Parengė Violeta Baltušytė. Vilnius: Žaltvykslė, 2007.

Riddle about the mill as the result of Russian-Byelorussian-Ukrainian contact parallels (on the material of the Russian folklore tradition in Lithuania)

There are reconsidered the possible origins of figurativeness in one of the riddles about the mill fixed among the Russian old residential population of Lithuania. There is traced the influence of the Ukrainian, Byelorussian, general Russian folk traditions, complicated by the specificity of local conditions. There is analyzed the mechanism of the borrowed riddle inclusion into the repertory.

Key words: *riddle, surroundings of other ethnic group, Russian old residents of Lithuania, contact parallels.*

П. ЧЕСНОКОВА (Волгоград)

ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЧЕШСКИХ И РУССКИХ ГЕОРТОНИМАХ

Освещается один из процессов возникновения собственных имен – заимствование. Рассматривается география заимствований в чешской и русской геортонимии.

Ключевые слова: *ономастика, геортонимы, заимствование, калькирование, адаптация.*

Одним из путей формирования геортонимического поля в чешской и русской лингвокультурах является заимствование, которое наряду с онимизацией апеллятива и трансонимизацией имени собственного выступает одним из основных процессов возникновения собственных имен в славянских языках [2, с. 43]. В чешской геортонимии мы обнару-